

АКРОИТЕ глаза и считайте до трех: раз, два, три. Ничему не удивляйтесь—ни конюшенному запаху опилон, ни трубным призывам льва, ни гусарской позолоте снующих у манежа униформистов. Сейчас грянет оркестр, и вы поймете, что в цирке бывает все, даже больше чем все, ибо сегодня вы во власти иллюзиона, формула которого — исчезновение, появление, превращение.

Более пятидесяти лет назад исчез блестящий молодой человек Эмиль Ренард, а на манеже русского цирка появился блестящий артист Эмиль Кио. Первая загадка Кио—его псевдоним—была простой, и спустя некоторое время он сам с улыбкой открыл ее друзьям, которые ломали головы и разводили руками. Первая иллюзия Кио—он сам.

Совсем недавно, когда мы узнали, что Кио умер, когда он впервые посмотрел на нас глазами не волшебника, а усталого человека,—черная траурная рамка совсем не к лицу иллюзионисту, привычному к строгости черных фраков,—мы не поверили Кио. За многие годы встреч на манежах великий иллюзионист, великий художник, великий обманщик (как только не называли его!) научил нас удивляться простоте и верить невероятности, он научил нас своей логике—исчезновение, появление, превращение. Прочитав некролог о смерти Кио, мы ждали появления артиста снова. И он появился. Огромные рекламные щиты в Киеве, турне по циркам Японии, наконец, ежевечерние, почти в течение полугода, аншлаги в Москве—таковы маршруты аттракциона Кио в последнее время. Кио исчез, Кио

ПРОСТО — КИО

появился. И лишь превращения не произошло.

Александр Буше, восьмидесятипятилетний инспектор манежа, останавливает бравурный марш оркестра.

— Сын народного артиста республики Эмиля Кио—Игорь Кио,—объявляет он.

И тогда из-за кулис—фалды черного фрака вразлет, как крылья,—стремительно выходит на манеж молодой человек и застывает в самом центре, в перекрестии прицелов тысяч глаз.

Вместо превращения — продолжение. Игорь Кио сменил на цирковом манеже отца, рискнул продолжить его дело, рискнул стать хранителем хрупких и напизных тайн большой иллюзии.

Он улыбается, начиная представление, он улыбается, продолжая его, он заканчивает представление с улыбкой. Таинство таинственно само по себе. Непроницаемые маски иллюзионистов прошлого, загадочность их обликов, отрешенность от мира—все эти атрибуты не знакомы Игорю Кио. Он напрочь отказался копаться в пыльных сундуках. Он максимально современен в работе, так как у него труднейшая задача—удивлять людей, которых прогресс XX века почти отучил удивляться.

...Длинный витой канат в руках очаровательных девушек кажется еще грубее, еще рельефнее. Среди почтеннейшей публики всегда находится недоверчивый зритель, который с внутренним злорадством перережет его ножницами,

предложенными Кио. Иллюзионист связывает канат свободным узлом, путает его, и тот снова становится целым. Недоверие посрамлено.

Общение с залом традиционное для фокусника—мол, смотрите, обыкновенная вещь, никакого обмана.

Но канат по-прежнему в руках Игоря Кио. Канат ползет вверх и застывает в вертикальной неподвижности, будто кобра, гипнотизирующая жертву. Слово по першу, карабкается по нему акробат. Трюк окончен, юпитеры зажжены.

И вот тогда, высвечивая недоумение взглядов, порочивая зрительские гипотезы, по рядам скачет солнечным зайчиком улыбка иллюзиониста Игоря Кио, человека, который всего лишь несколько секунд назад на блестящей лысине манежа казался кудесником и магом. Улыбка путает ассоциации, не дает сосредоточиться на разгадке. И мы уже слышим новую мелодию оркестра, видим перед собой новые аксесуары нового трюка, мы уже предвкушаем его, заранее готовим возможные пути решения загадки—ведь не так-то просто обвести вокруг пальца человека, пришедшего сегодня в цирк.

Но загадки Игоря Кио остаются неразгаданными.

Получив от отца прекрасно поставленный, продуманный до тонкостей аттракцион, Игорь Кио по праву мог считать себя богатым наследником. И, как нередко бывает в подобных случаях, имел немало возможностей довольно быстро пу-

стить наследство по ветру. Для этого достаточно было остаться подражателем, ремесленником своего дела. А ведь соблазн вступить на столь легкий путь был велик: Игорь с пяти лет стал появляться на манеже рядом с отцом, он успел изучить и его фокусы, и его манеры. Но он успел открыть и буквально все его секреты. Последнее, быть может, оказалось наиболее ценным.

Чтобы фокус остался фокусом, фокуснику нужно постоянно находиться в фокусе зрительского внимания. Фраза, сама по себе напоминающая фокус.

В интереснейшем наследии покойного Эмиля Кио именно этот секрет был главным, именно он дал долгу загадочную жизнь всем остальным иллюзиям Кио. И то, что сегодня аршинные неоновые буквы «КИО» украшают программы крупнейших цирков мира, что и сегодня жаждущие получить билет на представление иллюзиона жгут по ночам костры у входа в нассы, говорят о том, что Игорь Кио безошибочно отыскал жемчужину, что он не только принял дело отца, но понял его.

На арене артист Игорь Кио—обаятельный, легкий в движениях, непосредственный. Общение с залом доставляет ему радость, и эта радость взаимна, потому, что зритель легко идет навстречу человеку умному и открытому. Не правда ли, слово «открытый» не вяжется с понятием иллюзионист?

И Игорь Кио ищет точки соприкосновения. В тугом кольце зрителей, в перекрещении пристальных взглядов он остается хозяином положения—а мы тщетно пытаемся проводить параллели между тем, что он делает, и тем, как это делается. Мы теряемся в догадках, ловим улыбки Игоря Кио, не можем оторвать от него глаз.

В иллюзионе Игоря Кио есть еще одна особенность—руководители его—и отец, и сын—не только первоклассные фокусники, хорошие артисты, но и настоящие джентльмены. При всей необычности происходящего на манеже, грандиозности и фантастичности трюков, они ни на секунду не дают зрителю почувствовать себя околпаченным, обманутым. Каждая новая задача ставится с таким расчетом, что зритель постоянно как бы балансирует на грани ее решения. Но баланс точен, выверен годами, и искусство Игоря Кио в том, чтобы он не был нарушен.

Я видел трюки Игоря Кио много раз. Я даже пытался сунуть нос в его иллюзионную кухню. Я пытался разобраться в увиденном и, кажется, разобрался.

Кио выходит на манеж с микрофоном. Юпитеры гаснут, и лишь один луч простреливает темноту, упираясь в крахмал его белоснежной маниш-

ки. Голос Кио гулок в гулкой тишине ожидания.

— Искусство иллюзии впечатляюще, но абсолютно безопасно,—говорит он залу.

После этих слов в центре манежа он заживо сжигает девушку. Игорь Кио действительно сжигает девушку—ежедневно, ежевечерне, на глазах у тысяч зрителей. Я понял это. Мне непонятно лишь, каким образом девушка эта вновь появляется на манеже живой и невредимой, сохранив не только гордость осанки, но и белозубую улыбку...

Исчезновение, появление, превращение.

Игорь Кио входит в будку телефона-автомата и через мгновение выезжает из-за кулис на сверкающем «Москвиче». Легким движением руки он переносит человека из одной беседки в другую.

Исчезновение, появление, превращение.

Ассистентка Игоря Кио пролезает сквозь сплошное стекло. Иллюона закуривают в деревянных ящиках, поднимают под купол, а он уже бежит из верхних рядов амфитеатра, радостно приветствуя ошеломленных зрителей. Над манежем летают голуби, по манежу вперевалку бегут утки. С манежа исчезают люди.

Исчезновение, появление, превращение.

Игорь Кио сидит в артистической уборной. Он только что ответил в последний раз на аплодисменты зала блестящим цирковым комплиментом, он только что снял панцирь фрака. На лице его капли пота. Черточки улыбки чуть приспущены книзу усталостью. Он говорит со мной о футболе. Он спрашивает: а правда? а правда? За кулисами Игорь Кио похож на всех тех, кто пишет ему письма, массу писем, объединенных одним большим вопросительным знаком.

За кулисами Игорь Кио говорит о цирке, который стал его домом, его жизнью, его мечтой с той минуты, когда он впервые смог пройти самостоятельно тринадцатиметровый диаметр манежа. Он забывает про иллюзию, потому что сейчас он—просто Кио, так же просто, как Иванов или Попов. И рядом с ним уже не его ассистенты, а мать—Евгения Кио, и жена—Иоланта Ольховикова...

Закройте глаза. Считайте до трех: раз, два, три. Неоновая реклама цирка гаснет с легким потрескиванием—такое, должно быть, свойство газа. Идет снег—ведь в Москве зима. Слышите, как торопятся по тротуарам люди,—торопливость в характере сегодняшних горожан. Все объяснимо, все логично.

И лишь три буквы — КИО. Лишь сорок минут во власти большого иллюзиона—и мы уже верим в чудеса, которых, конечно же, не бывает на свете.

Александр МАРЬЯНОВ,
корреспондент АПН.